

недовольства—неудачная иностранная политика. Французы никогда не отличались правильнымъ пониманіемъ чувствъ и стремленій чужихъ народовъ, даже сосѣднихъ; а взаимное непониманіе чаще всего ведетъ къ недоразумѣніямъ и къ враждѣ. Со времени паденія второй имперіи, французскіе публицисты и политическіе дѣятели стали болѣе прежняго интересоваться внутренними дѣлами другихъ государствъ; но и теперь они значительно отстаютъ въ этомъ отношеніи отъ англичанъ и нѣмцевъ, которые привыкли аккуратно слѣдить за всѣми подробностями въ состояніи Европы и отдѣльныхъ ея государствъ.

Во Франціи существуютъ журналы, въ которыхъ помѣщаются по временамъ обстоятельныя разсужденія о Россіи, Германіи или Англіи; въ числѣ такихъ журналовъ видное мѣсто занимаетъ „Nouvelle Revue“. Редакція этого изданія съ особеннымъ вниманіемъ относится къ русскимъ дѣламъ и къ русской литературѣ; произведенія Тургенева и Льва Толстого находятъ здѣсь восторженную оцѣнку. Въ отдѣлѣ иностранной хроники всегда обсуждается положеніе и политика Россіи; словомъ, журналъ вполне заслуживаетъ названія „руссофильскаго“, какимъ онъ былъ съ самаго начала по мысли издательницы, г-жи Жюльетты Ламберъ. Что-же видимъ мы въ этомъ руссофильскомъ журналѣ? Въ сужденіяхъ о русской политикѣ бросается намъ въ глаза цѣлый рядъ несообразностей; между прочимъ, намъ преподаются совѣты и пожеланія, до того наивныя, что читателю остается только недоумѣвать. Въ послѣдней книжкѣ (отъ 15 іюля) редакція, повидимому, не сумѣла отличить министра отъ знаменитаго писателя, о которомъ еще недавно напечатанъ былъ пространный этюдъ въ томъ-же журналѣ. Если такіе промахи дѣлаются относительно Россіи, съ которою редакція желаетъ специально знакомить французскую публику, то можно себѣ представить характеръ свѣдѣній журнала о другихъ менѣе симпатичныхъ ему странахъ. Насчетъ Германіи проводится старая система рѣзкой отрицательной критики, въ духѣ односторонняго національнаго шовинизма, казавшагося уже достаточно опровергнутымъ Седанскою катастрофою. „Nouvelle Revue“ беретъ, напримѣръ, доказать, что нѣмцамъ недоступны возвышенные порывы, что имъ присущи лишь грубые животные инстинкты, уживающіеся какъ-то съ холоднымъ кабинетнымъ философствованіемъ, и что великіе нѣмецкіе классики, какъ Гете и Шиллеръ, только по недоразумѣнію признаны великими. Безъ сомнѣнія, патріотизмъ читателей долженъ быть польщенъ сознаніемъ, что Шиллеру и Гете неизмѣримо далеко до Корнеля и Расина; но полезно-ли такое патріотическое ослѣпленіе—это вопросъ, на который не можетъ быть двухъ отвѣтовъ.

Подобное поверхностное и полу-презрительное отношеніе къ чу-